

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2023.73.36-45

UDC: 343.791

On the socio-philosophical nature of criminal protection of trademark rights

Abstract: The purpose of this scientific work is to study the phenomenon of violation of exclusive rights to a trademark and the socio-philosophical nature of their criminal protection from illegal use. The author establishes an increasing level of counterfeiting and piracy violating the rights and interests of citizens, society and the state, and substantiates the need to protect exclusive rights not only by civil and administrative, but also by criminal law measures. In the context of the article, the author makes a comparison between crimes against tangible and intangible property and retrospectively touches on the evolution of the development of criminal protection of trademarks at the international level.

Key words: intellectual property; trademark; exclusive rights; counterfeit; piracy; criminal law; criminal protection; property.

References

1. Black's Law Dictionary 1615, 9th edition, Bryan A. Garner, ed. St. Paul, West Group, 2009
2. Caplan D., Stewart G. British Trade Marks and Symbols. October House, 1966
3. Correa, C. The Push for Stronger Enforcement Rules: Implications for Developing Countries. The Global Debate on the Enforcement of Intellectual Property Rights and Developing Countries. ICTSD Issue Paper No. 22
4. Epstein R. A., Brown T. P. Cybersecurity in the Payment Card Industry // 75 University of Chicago Law Review 203, 2008
5. Geiger, C. (ed), Criminal Enforcement of Intellectual Property, Edward Elgar Publishing, 2012
6. Gervais, D. The TRIPS Agreement – Drafting History and Analysis. 3rd edition. Sweet & Maxwell, 2008
7. Global Trade in Fakes: A Worrying Threat, Illicit Trade. OECD, European Union Intellectual Property Office, OECD Publishing, Paris. 2021, <https://doi.org/10.1787/74c81154-en>
8. Howe H., Griffiths J. (eds). Concepts of Property in Intellectual Property Law, Cambridge University Press, New York, 2013
9. Johnson P. Can You Quote Donald Duck? Intellectual Property in Cyberculture // Yale Journal of Law & the Humanities, Vol. 13, Iss. 2, 2001
10. Manta I. D. The Puzzle of Criminal Sanctions for Intellectual Property Infringement // 24 Harvard Journal of Law & Technology, 469, 2011
11. Manta I.D., Wagner R.E. Intellectual Property Infringement as Vandalism // 18 Stanford Technology Law Review, 2015
12. Manta I.D., Keeping IP Real // 57 Houston Law Review, 2019

♦ **Alizada Jamil Eldar oglu** - PhD Candidate, Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University) (Azerbaijan). E-mail: jamil.alizada@yandex.ru

13. Matthews, D. Globalizing Intellectual Property Rights: The TRIPS Agreement. Taylor & Francis Group, 2002
14. Sheley E.L. Tort Answers to the Problem of Corporate Criminal Mens Rea // 97 North Carolina Law Review 773,812,2019
15. Szott Moohr G.,Lipton J.,Manta I. D. The criminal law of intellectual property and information: cases and materials //West Academic Publishing, 2nd edition, 2016
16. The Economic Impacts of Counterfeiting and Piracy: Report prepared for BASCAP and International Trademark Association. Frontier Economics, 2016, <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2017/02/ICC-BASCAP-Frontier-report-2016.pdf>
17. Tyngiel J. Radio head Says: Pay What You Want, TIME, 2007, <http://content.time.com/time/arts/article/0,8599,1666973,00.html>
18. U.S. Intellectual Property and Counterfeit Goods - Landscape Review of Existing/Emerging Research. A Report Prepared by the Federal Research Division, Library of Congress, Under an Interagency Agreement with the U.S. Patent and Trademark Office, U.S. Department of Commerce,2020, <https://www.uspto.gov/sites/default/files/documents/USPTO-Counterfeit.pdf>
19. WTO - Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, edited by Jan Busche, et al., BRILL, 2008
20. Voynikanis, E.A. Intellectual Property Law in the Digital Age. The paradigm of balance and flexibility. Moscow, Jurisprudence Publ., 2014, 552 p. (in Russian).

Ализаде Д.Э.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2023.73.36-45

УДК: 343.791

**О социально-философской обусловленности уголовно-правовой охраны
прав на товарный знак**

Аннотация: Целью данной научной работы является исследование феномена нарушения исключительных прав на товарный знак и социально-философской обусловленности их уголовной защиты от незаконного использования. Автор устанавливает возрастающий уровень контрафакции и пиратства, нарушающих права и интересы граждан, общества и государства, и обосновывает необходимость в защите исключительных прав не только гражданскими и административными, но и уголовно-правовыми мерами. В контексте статьи автор проводит сравнение между преступлениями против материального и нематериального имущества и ретроспективно затрагивает эволюцию развития уголовной защиты товарных знаков на международном уровне.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; товарный знак; исключительные права; контрафакт; пиратство; уголовное право; уголовно-правовая охрана; собственность.

---

* **Ализаде Джамиль Эльдар оглы** - соискатель Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Азербайджан). E-mail: jamil.alizada@yandex.ru

На сегодняшний день, контрафакция и пиратство в контексте интеллектуальной собственности вездесущи в общественном сознании и превратились в широко распространенный феномен с глобальным воздействием. Авторитетные международные исследования сообщают, что объем внутренних и международных продаж контрафактной и пиратской продукции превышает триллион долл. США в год [18]. Причины появления данного феномена различны, включая развитие технологий, облегчивших стремительное и массовое производство копий при минимальных издержках, повышение спроса на продукцию известных брендов, экономические и политические изменения, такие как глобализация экономики и развитие возможностей организованной преступности.

Основная причина для торговли контрафактной продукцией прозаична – это возможность получения значительной прибыли за счет незаконного использования интеллектуальных достижений и финансовых инвестиций других лиц. Однако контрафакция – это форма кражи. Она связана с незаконным производством, торговлей и использованием чужими объектами интеллектуальной собственности. Экономические издержки контрафакции для правообладателей аналогичны тем, которые возникают при других видах краж, потому что она отвлекает на себя значительные частные и государственные ресурсы, которые могли бы быть использованы для более продуктивных целей [16, с.11].

В макроэкономическом контексте контрафакция имеет очевидные экономические последствия – замедление развития инноваций, финансирование криминальных группировок, негативное влияние на окружающую среду, неудовлетворительные трудовые условия [7]. Более того, в государствах, где широко распространена контрафакция, прямые иностранные инвестиции имеют тенденцию к снижению, а структура торговли оказывается негативно затронута.

В связи с этим возникает вопрос – какие средства эффективны в целях защиты исключительных прав на товарный знак от незаконного использования?

С давних времен производители и торговцы использовали товарные знаки для идентификации своей продукции и её выделения среди товаров, произведенных другими лицами. Уже в Древнем Риме существовала практика нанесения определенного знака или тиснения на керамические изделия, такие как изображения дельфина или инициалы мастера, чтобы отметить их происхождение. К концу шестнадцатого века владельцы магазинов часто прибегали к установке вывесок, которые указывали на характер их торговли. В то время торговцы также начали внедрять практику визитных карточек с указанием своего имени и адреса и часто сопровождали их каким-либо обозначением.

Промышленная революция существенно увеличила использование наименований и товарных знаков, и именно в это время зародилась современная концепция товарных знаков. В литературе отмечается, что некоторые из товарных знаков девятнадцатого века были великолепны своими живописными деталями [2].

В двадцатом веке законодательство о товарных знаках эволюционировало и, помимо защиты от смешения товарных знаков, стало уделяться больше внимания защите прав и инвестиций владельцев товарных знаков [9, с. 20].

В современных условиях права интеллектуальной собственности в целом и права на товарные знаки в частности нуждаются в эффективной правовой защите. Как показывает практика, лица, незаконно использующие чужую интеллектуальную собственность, не только причиняют значительный ущерб их владельцам, но и нарушают права и законные интересы

сы граждан, общества и государства, подрывают такие основополагающие принципы, как независимость и свобода субъектов экономической деятельности и добросовестность конкурентной борьбы на товарных рынках. Обеспечение надлежащих средств правовой защиты и эффективной судебной системы, в рамках которой нарушения будут преследоваться по закону, является существенным условием для эффективно функционирующей системы прав интеллектуальной собственности. При этом защита прав интеллектуальной собственности является более эффективной, если она достигается не только гражданскими и административными, но и уголовно-правовыми санкциями.

Несмотря на то, что уголовно-правовые меры издавна были включены в национальные законодательства, долгое время их воздействие ограничивалось национальными рамками и не обсуждалось на международном уровне [5]. До Соглашения ТРИПС в международных соглашениях ничего не говорилось об уголовно-правовых санкциях в случае нарушения прав интеллектуальной собственности. В частности, два классических договора в области прав интеллектуальной собственности – Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. и Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г. – не содержат явных обязательств по внедрению уголовных санкций за нарушение прав интеллектуальной собственности.

Фундаментальный сдвиг в вопросе уголовно-правовых санкций произошел после принятия Соглашения ТРИПС, в Части III которого впервые в истории международных соглашений содержится всеобъемлющий набор правил, касающихся мер уголовного принуждения [19, с.781]. Не являясь де-юре универсальным международно-правовым актом (так как действует только для государств-участников Всемирной торговой организации), Соглашение ТРИПС де-факто играет важную роль в правовом регулировании системы интеллектуальной собственности [13, с.46].

Часть III Соглашения ТРИПС содержит двадцать положений о защите прав интеллектуальной собственности и считается всеобъемлющим инструментом, устанавливающим подробные обязательства для национальных режимов охраны прав интеллектуальной собственности [6, с. 2.352]. Согласно ст. 61, государства-члены ВТО обязаны предусмотреть в национальных законах уголовные процедуры и штрафы, которые применяются, по крайней мере, в случаях умышленного неправомерного использования товарных знаков или нарушения авторского права, совершенных в коммерческих масштабах. Меры пресечения включают тюремное заключение и/или денежные штрафы, достаточные для того, чтобы служить средством удерживания, соразмерным со степенью наказания, применяемого в связи с другими преступлениями соответствующей тяжести. В соответствующих случаях меры пресечения включают также наложение ареста, конфискацию и уничтожение контрафактных товаров и любых материалов и орудий производства, которые использовались при совершении преступления. Члены могут предусмотреть уголовные процедуры и наказания с целью применения в других случаях нарушений прав интеллектуальной собственности, в частности, когда они совершены умышленно и в коммерческих масштабах. Таким образом, угроза применения в отношении хозяйствующих субъектов уголовных санкций с потенциально разрушительными последствиями делает уголовное преследование эффективным инструментом против нарушений и сильным сдерживающим фактором [3, с. 42-3].

В традиционном понимании уголовное право связывают с преступлениями против человека и собственности. По своей сути, уголовное право – это сильное оружие, которое обо-

строяет эффект от любой меры принуждения. Оно является крайней мерой, применяемой тогда, когда другие средства решения проблемы оказываются неэффективны. Если какое-либо лицо попытается совершить общественно опасное деяние, то, вероятно, неразумно полагаться на попытки устно урезонить его или полагать, что остракизм помешает ему сделать то же самое в будущем. Даже наказание в виде денежного штрафа недостаточно для того, чтобы убедить общество, что это лицо не попытается снова совершить это преступление в будущем. Таким образом, крайней мерой является привлечение нарушителя к уголовной ответственности. Эта мера является крайней в том числе потому, что дорого обходится государству и обществу, вынуждая их платить в обмен на большую степень безопасности и сдерживание как конкретного правонарушителя, так и потенциальных иных правонарушителей.

В этом контексте можно провести параллель с преступлениями против собственности. Когда лицо задумывается о том, чтобы украсть чью-либо вещь, оно понимает, что существует вероятность того, что оно не будет поймано за содеянное. С точки зрения целесообразности, это лицо может попытаться удачу, а в случае поимки на месте преступления – заплатить денежный штраф, посчитав это необходимой платой за продолжение деятельности. Именно для пресечения подобных случаев уголовное право предполагает возмещение причиненного ущерба, а сама система уголовного правосудия опирается на сочетании расплаты, осуждения и других факторов [14].

Что касается правонарушений в области интеллектуальной (нематериальной) собственности, включая товарные знаки, то обоснованность применения уголовных санкций не сразу очевидна, поэтому существует необходимость в дополнительном анализе [10].

В области интеллектуальной собственности нарушители практически не взаимодействуют со своими жертвами напрямую, и поэтому попытки устного предупреждения или остракизма, как правило, мало что могут дать для восстановления справедливости. Поэтому интуитивно понятно, почему владелец интеллектуальной собственности бывает вынужден обратиться за помощью в систему правоохранительных органов.

И всё же, казалось бы, зачем законодателю вводить уголовные санкции в ответ на ненасилиственные правонарушения? Ответ зависит от утилитарных факторов и выбора государственной политики. Чтобы понять оба этих аспекта, мы исследуем, как аналогия с правонарушениями против материального имущества исторически привела к криминализации некоторых форм нарушений прав интеллектуальной собственности.

Дать определение понятию «кража имущества» нелегко. Юридические словари характеризуют это деяние как «незаконное присвоение или изъятие имущества, принадлежащего другому лицу, с целью лишить его истинного владельца» [1]. В связи с этим возникают следующие вопросы – что делает вещь собственностью лица, как определить акт присвоения (изъятия), как определить намерение и какую форму присвоения (изъятия) следует рассматривать. Несмотря на эти теоретические вопросы, в древних обществах акт кражи рассматривался как нарушение Божественной воли и наказывался смертной казнью [4]. И хотя в настоящее время большинство государств отменило смертную казнь за преступления против собственности, они сохранили другие суровые уголовные наказания – к примеру, тюремное заключение.

Усиление роли прав интеллектуальной собственности с течением времени привело к применению аналогичных принципов к нематериальным активам. По мере увеличения стоимости интеллектуальных активов, которая часто превосходила стоимость традиционных (ма-

териальных) активов, уровень нарушений прав интеллектуальной собственности также увеличивался [15]. В этом контексте вопрос относительно применения уголовных санкций сменился с «нужно ли?» на «когда?». Это происходило параллельно с расширением уголовно-правового законодательства в области наказаний за имущественные преступления, когда список подлежащих уголовному преследованию правонарушений перешел от насильственных преступлений (к примеру, грабеж) к ненасильственным (к примеру, кража).

Нарушение прав интеллектуальной собственности не соответствует обычным определениям кражи, поскольку владелец интеллектуальной собственности не теряет физический объект в прямом смысле. Вместо этого претензия владельца прав интеллектуальной собственности обычно сводится к тому, что его нематериальные активы обесцениваются в результате нарушения его исключительных прав [11, с. 331].

Высказанное выше мнение, характеризующее права интеллектуальной собственности как не предполагающие конкуренции, требует более тщательного анализа. Понятие «неконкурентность» в традиционном понимании в отношении материального имущества, которое не может одновременно использоваться двумя лицами, не подходит в вопросе нарушений прав на товарный знак из-за своей формальности [12, с. 354]. Истинный вопрос заключается в том, конфликтует ли пользование одного лица с использованием другого лица. В этом контексте на ум приходят различные примеры объектов интеллектуальной собственности, которые связаны не с физической неспособностью поделить предмет, а с конфликтом пользования. К примеру, это может произойти в контексте предметов роскоши, охраняемых товарными знаками – ношение аксессуара бренда класса люкс «Gucci» кажется менее привлекательным, если он есть у слишком большого количества людей.

Очевидно, что проблема выходит далеко за рамки вопроса предметов роскоши. К примеру, возьмем для анализа случай незаконной трансляции телесериала в сети Интернет. Незаконная трансляция может нарушать как авторские права, так и исключительные права на товарный знак. В данном примере можно предположить, что если определенная часть общества законным образом покупает продукт, являющийся объектом интеллектуальной собственности, через легальные платформы, имеет ли значение, что существует другая часть общества, которая через нелегальные платформы получает доступ к этому же продукту бесплатно? Ответ может быть двояким.

Во-первых, представляется возможным рассмотреть этот вопрос с позиции зрителей. Так, незаконная потоковая передача или скачивание могут иметь тенденцию эффекта «снежного кома». Зрители, которые платят за просмотр сериала, могут быть озадачены тем, что другие зрители получают продукт бесплатно. Так, легальные зрители могут почувствовать, что они не просто субсидируют нарушителей, но и что они платят более высокую цену, чем если бы они не платили за нелегальных пользователей. Предполагается, что, по крайней мере, определенная часть так называемых нелегальных зрителей заплатила бы за просмотр условного сериала, если бы выбор стоял между либо оплатой либо полной невозможностью просмотра сериала. Средства, которые эта группа нелегальных зрителей отказывается платить, могут привести к росту цены для легальных зрителей, которые смотрят сериал на законных основаниях.

Во-вторых, с позиции правообладателя уместно отметить, что он выпускает продукт, который востребован значительным числом людей, но взамен получает непропорционально малую отдачу. Это может деморализовать его даже вне экономического аспекта. Авторы,

создатели и правообладатели, вкладывая в результаты интеллектуального свои творческие силы и вдохновение, могут испытывать моральный дискомфорт, если определенная группа потребителей своими действиями демонстрирует, что результат их интеллектуального труда достаточно хорош, чтобы им можно было бесплатно пользоваться, но недостаточно хорош, чтобы потратить на его правомерное использование определенную сумму средств.

Мы полагаем, что в отношении сравнения нарушений прав интеллектуальной собственности с правонарушениями в отношении материального имущества стоит подходить гибко. Если оставить в стороне вопросы sentimentalной ценности имущества, большинство ситуаций, связанных с кражей и материального, и нематериального имущества, имеет схожие негативные последствия для владельца, поскольку владелец теряет всю или часть стоимости своего имущества [20, с.102]. Приведем простой пример: если злонамеренный сосед уничтожит мою сельскохозяйственную продукцию, я больше не смогу её продать. Аналогично, если я продаю лицензию на право пользования моей музыки, ее незаконное использование может в конечном итоге ограничить мою способность продавать свой продукт.

Нужно подчеркнуть, что ситуация не всегда складывается одинаковым образом. В некоторых случаях, после покупки нелегальной продукции, потребители могут предпочесть приобрести легальный товар. В конкретных обстоятельствах, потребители могут знакомиться с работами артистов через незаконное скачивание, так как они не стали бы рисковать с покупкой незнакомой музыки. Также артисты или продавцы могут получать доход через различные способы распространения. Например, хотя музыкант может терять доход из-за пиратских загрузок, это может быть компенсировано будущим ростом продаж билетов на концерты и официального мерчендайзинга. Аналогичная ситуация и с товарными знаками – приобретение контрафактных товаров на одном рынке может способствовать росту известности бренда и увеличению легальных продаж в сети Интернет. Однако эмпирические выводы, лежащие в основе этих компромиссов, непостоянны и зависят от контекста, поэтому стоит задаться вопросом – почему вообще пользователи нелегального контента и продукции, а не сам правообладатель, должны решать, в какой форме и при каких условиях продукт будет реализован на рынке.

У правообладателя также есть возможность распространять товар бесплатно или попросить у потребителей добровольные пожертвования [17]. Получается, что некоторые компании могут полностью контролировать свою дистрибуцию, в то время как другие могут предоставить покупателю свободу действий. Тем не менее, не стоит ожидать, что правообладатели должны позволить обществу потреблять их продукцию бесплатно для стимулирования продаж.

Общеизвестно, что уголовное право применяется в случае поведения, нанесшего значительный ущерб общественным отношениям вследствие противоправного деяния. При этом правонарушения, связанные как с материальным имуществом, так и с интеллектуальной собственностью, в одинаковой степени способны уменьшить благосостояние правообладателей и создать препятствия для дальнейших инноваций и инвестиций.

Можно предположить, что основное различие между имущественными преступлениями и преступлениями в сфере интеллектуальной собственности состоит в том, что имущественные преступления могут в большей степени поставить под угрозу чувство физической безопасности жертвы, в то время как нарушитель прав интеллектуальной собственности обычно действует дистанционно. Следовательно, одной из основных причин применения

уголовных санкций за имущественные преступления является то, что общество должно уделять больше внимания защите телесной неприкосновенности, а не наказанию за нанесение материального ущерба. Это может быть обосновано тем, что преступник, совершающий имущественное преступление, может применить насилие в отношении жертвы. Но и в этом случае законодатель не рассматривает это различие как решающее для определения виновности даже в рамках имущественных преступлений – так, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности даже за незаконный доступ и пользование чужим банковским счетом, что также является ненасильственным преступлением.

Таким образом, между вредом, нанесенным нарушением прав интеллектуальной собственности, и вредом от ряда имущественных преступлений, имеются существенные сходства. Нарушение прав интеллектуальной собственности может частично или полностью уничтожить ценность товара и уменьшить стимулы к созиданию, точно так же как это происходит в случае преступлений против материального имущества.

Здесь уместно заметить, что если уголовные санкции оправданны в случае серьезных правонарушений, их применение сложнее оправдать в случае совершения обычных нарушений, то есть при нарушении, которое может привести к вероятности смещения товарных знаков. Это исходит из того, что оценить границы объема охраны объектов интеллектуальной собственности зачастую представляется затруднительным, вследствие чего возникают «серые» зоны между допустимым и недопустимым, поэтому нарушения, основанные на вероятности смещения, требуют в значительной мере субъективной оценки. С экономической точки зрения, слишком жесткие санкции могут привести к чрезмерному сдерживанию и, следовательно, недопроизводству и недостаточному использованию объектов интеллектуальной собственности в той же степени, как и слишком широкий объем защиты прав интеллектуальной собственности. Из этого следует, что в современных государствах уголовные санкции должны рассматриваться как *ultima ratio*, то есть наиболее суровой крайней мерой государственного реагирования, когда применение иных санкций не дает желаемого эффекта в противодействии наиболее вредоносным деяниям и не обеспечивает охрану значимых общественных отношений.

Что касается различий между преступлениями против материального и нематериального имущества, то можно отметить, что нарушение прав интеллектуальной собственности, как правило, совершается дистанционно и, следовательно, не имеет тенденции напрямую вмешиваться в пространство владельцев прав. Кроме того, то в контексте интеллектуальной собственности обычно не происходит полного лишения права владения над продукцией. Наконец, нарушение прав интеллектуальной собственности может не являться противоправным *per se* в отличие от имущественного преступления – опять же потому, что границы интеллектуальной собственности менее четко очерчены и, следовательно, более вероятны случаи случайного нарушения границы объема прав интеллектуальной собственности [8, с. 30].

Не стоит забывать и о факторе лоббизма. С точки зрения правообладателей, наличие уголовных санкций имеет ряд преимуществ. Во-первых, они осуществляются не частными лицами, а правоохранительными органами. Так, прокурор имеет более широкие полномочия в отношении проверки и изъятия материалов и документов, чем частное лицо. Во-вторых, денежные штрафы, предусмотренные уголовным законодательством, в большей степени, чем возмещение убытков по гражданскому праву, могут свести на нет любую прибыль, которую нарушитель получил в результате нарушения. Более того, уголовные санкции могут преду-

сма­три­вать фи­нан­со­вую ком­пен­са­цию, пре­вы­ша­ю­щую по­лу­чен­ную при­быль, тем са­мым на­ка­зы­вая на­ру­ши­те­ля и дей­ст­вуя как эф­фек­тив­ное сред­ство для сдер­жи­ва­ния пра­во­на­ру­ше­ний в бу­ду­щем. Иные сан­кции, пре­дус­мот­рен­ные за­ко­но­датель­ства­ми раз­лич­ных го­су­дарств, та­кие как кон­фис­ка­ция обо­ру­до­ва­ния, за­кры­тие биз­не­са пра­во­на­ру­ши­те­ля или тю­рем­ное за­клю­че­ние, та­же мо­гут быть силь­ны­ми сдер­жи­ва­ю­щи­ми фак­то­ра­ми.

Вы­ше­из­ло­жен­ное по­зво­ля­ет сде­лать вы­вод о том, что охра­на ис­клю­чи­тель­ных прав на то­вар­ный знак яв­ля­ет­ся бо­лее эф­фек­тив­ной при при­ме­не­нии у­го­лов­но-пра­во­вых мер от­вет­ст­вен­но­сти на­ряду с гра­ждан­ски­ми и ад­ми­ни­стра­тив­ны­ми ме­ра­ми. При­ме­не­ние у­го­лов­ных сан­к­ций го­су­дар­ством, име­ю­щим ши­ро­кие пол­но­мо­чия, яв­ля­ет­ся эф­фек­тив­ным ме­ха­низ­мом сдер­жи­ва­ния се­рьез­ных пра­во­на­ру­ше­ний.

Библиография

1. Black's Law Dictionary 1615, 9th edition, Bryan A. Garner, ed. St. Paul, West Group, 2009
2. Caplan D., Stewart G. British Trade Marks and Symbols. October House, 1966
3. Correa, C. The Push for Stronger Enforcement Rules: Implications for Developing Countries. The Global Debate on the Enforcement of Intellectual Property Rights and Developing Countries. ICTSD Issue Paper No. 22
4. Epstein R. A., Brown T. P. Cybersecurity in the Payment Card Industry // 75 University of Chicago Law Review 203, 2008
5. Geiger, C. (ed), Criminal Enforcement of Intellectual Property, Edward Elgar Publishing, 2012
6. Gervais, D. The TRIPS Agreement – Drafting History and Analysis. 3rd edition. Sweet & Maxwell, 2008
7. Global Trade in Fakes: A Worrying Threat, Illicit Trade. OECD, European Union Intellectual Property Office, OECD Publishing, Paris. 2021, <https://doi.org/10.1787/74c81154-en>
8. Howe H., Griffiths J. (eds). Concepts of Property in Intellectual Property Law, Cambridge University Press, New York, 2013
9. Johnson P. Can You Quote Donald Duck? Intellectual Property in Cyberculture // Yale Journal of Law & the Humanities, Vol. 13, Iss. 2, 2001
10. Manta I.D. The Puzzle of Criminal Sanctions for Intellectual Property Infringement // 24 Harvard Journal of Law & Technology, 469, 2011
11. Manta I. D., Wagner R. E. Intellectual Property Infringement as Vandalism // 18 Stanford Technology Law Review, 2015
12. Manta I.D., Keeping IP Real // 57 Houston Law Review, 2019
13. Matthews, D. Globalizing Intellectual Property Rights: The TRIPS Agreement. Taylor & Francis Group, 2002
14. Sheley E. L. Tort Answers to the Problem of Corporate Criminal Mens Rea // 97 North Carolina Law Review 773,812, 2019
15. Szott Moohr G., Lipton J., Manta I. D. The criminal law of intellectual property and information: cases and materials //West Academic Publishing, 2nd edition, 2016
16. The Economic Impacts of Counterfeiting and Piracy: Report prepared for BASCAP and International Trademark Association. Frontier Economics, 2016, <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2017/02/ICC-BASCAP-Frontier-report-2016.pdf>

17. Tyranziel J. Radio head Says: Pay What You Want, TIME, 2007, <http://content.time.com/time/arts/article/0,8599,1666973,00.html>

18. U.S. Intellectual Property and Counterfeit Goods - Landscape Review of Existing/Emerging Research. A Report Prepared by the Federal Research Division, Library of Congress, Under an Interagency Agreement with the U.S. Patent and Trademark Office, U.S. Department of Commerce, 2020, <https://www.uspto.gov/sites/default/files/documents/USPTO-Counterfeit.pdf>

19. WTO - Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, edited by Jan Busche, et al., BRILL, 2008

20. Войниканис, Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. – М.: Юриспруденция, 2014. - 552 с.